

Эдинбург, 1817 год

— **Ш** евелись!
— Я копаю изо всех сил, Дэйви.
— Значит, напрягись еще чуток.

Ночь выдалась почти безлунная, поэтому Дэйви, стоящему в сырой от росы траве, не было видно, как Мунро, раскапывающий в этот момент могилу, раздраженно закатил глаза. На этот раз времени ушло заметно больше — деревянная лопата, которую Мунро удалось стащить с заднего двора гостиницы в Фербенксе, была меньше, чем металлическая, с которой он принялся за работу этой ночью. Но в то же время от нее было не так много шума, и это решало дело. С тех пор, как на Торнхильском кладбище появился сторож, чтобы охранять могилы, тишина стала необходимым условием. Уже трех их приятелей загребли сторожа, и теперь на них повесили неподъемные штрафы. С тех пор Дейви больше на улицах их не видел.

Что-то было не так. Дэйви никак не мог сообразить, что именно, но что-то нынешней ночью казалось неправильным. Может быть, все дело в воздухе.

Густой дым, стелющийся над Старым городом Эдинбурга, всегда был непроглядным, пропитанным запахами прогорклого масла, табака и отвратительной смеси нечистот с мусором, от которых состоятельные жители сбежали в новый район с прекрасными особняками, выросший у подножия холма, по ту сторону Садов Принцесс-стрит*. Нынешняя ночь была безветренной.

Дэйви не стал ничего говорить Мунро о возникших странных предчувствиях. Мунро просто посмеялся бы над ним. *«Ты здесь вообще-то стоишь на шухере, а не ощущения перебираешь»*, — сказал бы Мунро.

Вдалеке Дэйви различал огонек одинокой свечи, горящей в окне домика приходского священника. Священник не спал. Мог ли он заметить движения в темноте кладбища с такого расстояния? Скорее всего, нет, но что, если ему внезапно пришло бы в голову прогуляться перед сном?

— Ты там не можешь хоть *чуть-чуть* побыстрее? — прошептал Дэйви.

В ответ раздался звук, который не перепутаешь ни с чем, стук дерева о дерево. Мунро добрался до гроба. Перед следующим этапом мальчишки затаили дыхание: Мунро поднял лопату и с силой опустил ее вниз. Дэйви поморщился от треска, с которым сломалась крышка. Они замерли в ожидании криков или лая собак, но было тихо.

— Бросай веревку, — окликнул приятеля Мунро. Дэйви сделал, как было велено, и Мунро опытной ру-

* Princes Street Gardens (в пер. с англ. — «Сады Принцесс-стрит») — городской парк в центре Эдинбурга (Шотландия). Располагается в центре города, занимая низину между Старым и Новым городом.

кой за пару мгновений затащил ее на шею трупа. — Теперь тяни.

Пока Дэйви тянул веревку, Мунро, все еще стоящий в могиле, направлял движение тела сквозь небольшой пролом в крышке гроба назад, в мир живых, словно помогал телу, прошедшему через смерть, в его странном, извращенном рождении. Мунро удалось снять с трупа башмаки и кинуть их назад в гроб, но Дэйви пришлось избавить тело от остальной одежды и отправить ее к башмакам в могилу. Кража тел, само собой, тоже была противозаконна, но если бы они взяли из могилы хоть какие-то вещи, то это было бы уже уголовным преступлением.

Тело оказалось женским, как Дженет им и говорила. Дженет шпионила для того воскрешателя, который лучше платил ей на этой неделе, пробиралась на похороны и отиралась как можно ближе к гробу, чтобы убедиться, что покойника не спрятали за дорогой каменной крышкой, уберегая от того самого преступления, которое они сейчас совершали.

— Ни могильной клетки*, ни семьи, — заверила Дженет, стоя в дверях каморки Мунро в Мясницком тупике, почесывая шею и ухмыляясь ему из-за завесы медных кудрей. Вряд ли Дженет было больше четырнадцати, но у нее уже не хватало заметного количества зубов. — Или всяко семейка так себе. И гроб на вид дешевка. Сосна или вроде того.

— Не беременна, случаем? — спросил Мунро с надеждой, приподняв брови.

Докторам так нужны были для вскрытий тела беременных женщин, что они готовы были платить вдвое

* Могильные клетки, или мортсейфы, — приспособления для защиты от доступа к месту захоронения на кладбищах и погостах. Начали изготавливаться в Великобритании для защиты от похитителей трупов, кладбищенских мародеров.

больше. Дженет покачала головой и протянула руку за деньгами. Как только на город опустилась тьма, Мунро и Дэйви отправились в путь, погрузив в свою тачку лопаты и веревку.

Дэйви отводил взгляд, стягивая с трупа потрепанное серое платье. В темноте ночи он чувствовал, как пылают щеки. Никогда прежде ему не доводилось раздевать живую женщину, но он уже сбился со счета, припоминая, сколько раз избавлял от одежды тех, кого едва успели похоронить. Взгляд его скользнул по надгробию, наполовину скрытому тьмой и грязью: Пенелопа Харкнесс. *«Спасибо тебе за восемь шиней, Пенелопа Харкнесс»*, — подумал он.

— Кидай сюда, — скомандовал Мунро снизу. Дэйви швырнул ему платье. Как только одежда женщины вернулась в ее пустой гроб, Мунро вылез из могилы на сырую траву. — Лады, — выдохнул он, отряхивая ладони от земли. — Давай закапывать и убираться отсюда.

Мунро ни за что бы не признался, но он тоже чувствовал нечто необычное, какую-то странную хрупкость воздуха, от которой дышать становилось труднее. Свеча в домике священника погасла.

— Ты же не веришь, что она умерла от лихорадки, да? — прошептал Дэйви.

На коже женщины не было оспин или кровавых волдырей, но от летавших в последние дни слухов было не так-то просто отмахнуться. Если римская лихорадка на самом деле вернулась в Эдинбург...

— Конечно нет, — уверенно заявил Мунро. — Не сходи с ума.

Дэйви облегченно вздохнул и выдавил слабую улыбку, невидимую в темноте. Мунро всегда знал, как успокоить его, прогнать страхи, лезущие в голову, будто крысы в кладовую.

Парни закончили работу в молчании. Могила снова была скрыта под слоем земли и дерна, как и прежде, а тело, жесткое от трупного окоченения, лежало в тачке, укрытое серым плащом.

Вдруг что-то мелькнуло на самой границе кладбища, у низкой каменной стены, идущей вдоль всего его восточного края. И Дэйви, и Мунро заметили это движение и повернули головы, следя за ним, но едва их глаза привыкли к темноте, как все пропало.

— Просто собака, — заявил Мунро с уверенностью, которой вовсе не испытывал. — Идем. Доктору нужно, чтобы мы вернулись до рассвета.

Дэйви толкал тачку, а Мунро шел рядом, сжимая черенок лопаты крепче, чем нужно. Им почти удалось выйти за ограду кладбища, когда три человека в плащах возникли на их пути.

— Здравствуйте, — произнес первый. Он был самым высоким из трех и казался еще выше из-за цилиндра на голове.

— Чудная ночь, — вступил второй, лысый, который был ниже двух других.

— Отличное время для прогулки, — добавил третий, усмехнувшись, отчего его крупные желтые зубы стали заметны даже в темноте.

Дэйви понял, что это не стражники. Наверное, такие же воскрешатели.

Мунро, похоже, пришел к тому же выводу.

— С дороги. Она — наша, найдите себе собственного жмурика, — заявил он, закрывая собой Дэйви и тачку. Его голос дрогнул лишь самую малость.

Дэйви опустил глаза и заметил, что на ногах у мужчин отличная кожаная обувь. Воскрешатели в такой не ходили.

Трое незнакомцев разразились дружным хохотом.

— Абсолютно справедливо, — заметил коротышка. — И, само собой, стражу звать мы не намерены.

Он подошел ближе, и Дэйви заметил мелькнувшую под полой плаща веревку.

В следующую секунду все завертелось: трое незнакомцев кинулись к ним, а Мунро отскочил в сторону и на полной скорости рванул по кладбищенской аллее в сторону центра.

— Дэйви! — крикнул он. — Дэйви, беги!

Но Дэйви застыл, вцепившись в тачку, словно не в силах решиться и бросить несчастную Пенелопу Харкнесс, и лишь наблюдал за тем, как Мунро метнулся в переулок и исчез. Но к тому времени, как ноги все же согласились нести его вслед за товарищем, стало уже слишком поздно.

— Пойма! — заявил высокий незнакомец в цилиндре, мощной рукой схватив Дэйви за запястье. — Тише, больно не будет ни капельки.

Мужчина вытащил нож из кармана.

Дэйви попытался вырваться, но все его усилия были тщетны.

Мужчина аккуратно провел ножом по предплечью Дэйви, оставляя кровавую полоску, в темноте казавшуюся почти черной.

Дэйви онемел от ужаса. Он в полной панике, без единого звука смотрел немигающим взглядом на то, как лысый достал флакон с какой-то пурпурной вязкой субстанцией. Лысый вытащил пробку из флакона и протянул его вперед.

Цилиндр потряс ножом над флаконом, и одинокая капля крови Дэйви скользнула в его странное содержимое. Оно потемнело, а затем сменило цвет на сияющий золотом желтый. Свет от флакона озарил лица троих незнакомцев, теперь довольно улыбающихся.

— Чудно, — произнес усатый.

На следующий день, совершая обычный утренний моцион, священник наткнулся на брошенную тачку с окоченевшим трупом женщины, которую он похоронил позавчера. Он покачал головой. Воскрешатели в этом городе становились все более наглыми — и опасными. К чему это приведет Эдинбург?

**Из «ТРАКТАТА ОБ АНАТОМИИ ДОКТОРА
БИЧЕМА, или ПРОФИЛАКТИКА и ЛЕЧЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ БОЛЕЗНЕЙ»
(17-е издание, 1791 год)
под ред. доктора Уильяма Р. Бичема:**

Всякий терапевт, намеревающийся успешно лечить как болезнь, так и любое из множества бытовых повреждений, должен сначала изучить анатомию. Знание человеческого тела и всех его частей — основа нашей профессии.

В этом трактате я изложу базовые принципы анатомии, выведенные мною за десятилетия ее изучения и сопровождаемые иллюстрациями моего авторства. Однако иллюстрации не могут служить заменой действительному, прямому изучению анатомии посредством вскрытия, и ни один будущий терапевт не может рассчитывать на успех в нашей профессии прежде, чем проведет вскрытия не менее дюжины тел и изучит их части.

Несмотря на то, что некоторые мои коллеги в Эдинбурге решаются на бесчестные действия, пользуясь незаконными услугами так называемых воскрешателей, похищающих тела невинных, материал, предоставляемый студентам моей анатомической школы в Эдинбурге, это всегда те, кому не посчастливилось познакомиться с веревкой палача и кого британский закон обязывает в качестве окончательного искупления сослужить своим соотечественникам последнюю службу.

Лягушка была мертва, без всяких сомнений. Причем умерла она до того, как ее обнаружила Хейзел. Девушка просто отправилась на ежедневную утреннюю прогулку, а лягушка уже лежала на садовой дорожке, распластав лапки в стороны, словно решила принять солнечную ванну.

Хейзел поверить не могла своей удаче.

Вот лежит лягушка.

Как подарок. Как знак небес. В вышине над головой сгущались тяжелые серые тучи, обещающая скорый дождь. То есть погода была идеальной. Но все необходимые условия не совпадают надолго. Как только начнется дождь, эксперимент можно будет считать несостоявшимся.

Из-под прикрытия кустов азалии Хейзел оглядела сад, чтобы убедиться в отсутствии наблюдателей (ведь матушка не смотрит на нее сейчас из окна своей спальни на втором этаже, правда?), а затем опустилась на колени, кое-как завернула лягушку в платок и спрятала за пояс нижней юбки.

Тучи почти затянули небо. Времени оставалось мало, поэтому Хейзел решила прервать прогулку и повернула назад к Хоторнден-касл. Пожалуй, стоит зайти

через черный ход, чтобы ни с кем не столкнуться и без промедлений добраться до своей комнаты.

В кухне, куда стремительно ворвалась Хейзел, все кипело, на огне исходил паром огромный железный горшок, а в воздухе повис всепроникающий запах лука. Недорезанная головка забыто лежала на разделочной доске. И лук, и доска, и валяющийся на полу неподалеку нож были испачканы в крови. Взгляд Хейзел скользнул по дорожке алых капель и уткнулся в кухарку, которая покачивалась взад и вперед на табурете в углу у очага и всхлипывала, баюкая руку.

— Ой! — вскрикнула кухарка, заметив Хейзел. Ее и без того красное лицо от слез еще сильнее побагровело. Кухарка утерла слезы и встала, пытаясь разгладить юбки. — Мисс, не ожидала увидеть вас здесь. Я тут... решила дать роздыху больным ногам.

Руку кухарка пыталась спрятать под передником.

— Пойдите. У вас же кровь!

Хейзел подошла и подняла повыше кровоточащую руку женщины. На краю сознания мелькнула мысль о спрятанной под юбками лягушке и приближающейся грозе, но тут же исчезла. Нужно было сосредоточиться на текущей проблеме.

— Так, позвольте-ка.

Кухарка поморщилась. Порез оказался глубоким и шел вдоль основания мозолистой ладони.

Хейзел вытерла собственные ладони о юбки, а затем подняла взгляд на кухарку, ободряюще улыбнувшись ей.

— Ничего страшного тут нет. Вы будете в полном порядке уже к ужину. Эй, там, — окликнула Хейзел судомойку, — Сюзан, не так ли? Принесите-ка мне штопальную иглу.

Похожая на мышь служанка кивнула и унеслась.

Хейзел подвинула кухонный таз для посуды к кухарке, вымыла той руку и насухо вытерла кухонным

полотенцем. Смыв кровь и грязь, она смогла отчетливо разглядеть глубокий порез.

— Ну вот, стоит смыть кровь, и все уже выглядит не так плохо, — утешающе сказала Хейзел.

Вернулась Сьюзен с иглой. Хейзел держала ее над огнем, пока металл не почернел, а затем задрала собственную юбку, чтобы вытянуть из сорочки длинную шелковую нить.

Кухарка тихонько вскрикнула.

— Ваша отличная сорочка, мисс!

— О, ерунда. Это пустяки, правда. А теперь, боюсь, будет чуть-чуть больно. Вы в порядке?

Кухарка кивнула. Действуя так быстро, насколько возможно, Хейзел проколола иглой кожу на рассеченной ладони женщины и принялась уверенными стежками зашивать порез. С лица кухарки сошли все краски, и она крепко зажмурилась.

— Уже вот-вот — почти готово — и-и-и-и-и все! — провозгласила Хейзел, затягивая шов аккуратным узелком.

Нитку она перекусила зубами. Разглядывая свою работу, она не могла сдержать улыбки: крохотные, ровные, аккуратные стежки — результат многочасовых, отупляюще-монотонных занятий вышивкой в детстве. Хейзел снова подняла юбки — аккуратно, чтобы не задеть узелок с лягушкой, — и быстро оторвала от подола сорочки широкую полосу, не дав кухарке возможности ни возразить, ни даже вскрикнуть при виде столь варварского обращения с дорогой одеждой. Оторванным лоскутом Хейзел туго перевязала руку женщины со свежим швом.

— И вот что — вечером, будьте добры, снимите повязку и промойте рану. А я завтра сделаю вам припарку. И поосторожнее с ножами.

В глазах у кухарки все еще стояли слезы, но ей все же удалось улыбнуться Хейзел в ответ.

— Спасибо, мисс.

До своей спальни Хейзел удалось добраться без дальнейших задержек, и она тут же кинулась на балкон. Небо по-прежнему хмурилось. Дождь все еще не шел. Хейзел облегченно выдохнула и вытащила завернутую в платок лягушку из-под юбок. Она развернула платок, позволив тушке с влажным шлепком распластаться на каменных перилах.

Любимыми местами Хейзел в Хоторндене были библиотека — с узорчатыми зелеными обоями, книгами в кожаных переплетах и камином, который всегда топили после полудня, — и балкон ее собственной спальни, откуда открывался вид на петляющий между деревьев ручей, и ничто не нарушало красоты девственной природы на мили вокруг. Ее спальня выходила окнами на южную сторону замка; ей не был виден дым, поднимающийся над самым сердцем Эдинбурга, который расположился всего в часе езды на север. Вот почему здесь, на балконе, она могла сделать вид, что одна в этом мире, вообразить себя исследователем, замершим над бездной человеческих знаний в попытке найти смелость для решительного шага вперед.

Хоторнден-касл стоял на утесе, и стены его, увитые плющом, нависали над дикими шотландскими лесами и стремительным потоком, несущим свои воды дальше, чем Хейзел удавалось разглядеть. Этот замок принадлежал семье ее отца не меньше сотни лет. Он пропитался историей семьи Синнетт, оставившей отпечаток на камнях, траве и мхах, затянувших древние каменные стены.

Черода кухонных пожаров в восемнадцатом веке привела к тому, что замок был почти полностью перестроен на собственном фундаменте, кирпич поверх камня. Единственными сохранившимися частями первоначального строения были ворота в начале подъезд-

ной аллеи и вырытое сбоку холма холодное каменное подземелье, которым на ее памяти ни разу не пользовались — если не считать угроз миссис Гербертс запереть там Перси после того, как он стащил пудинг до чая, или того случая, когда лакей, Чарльз, на спор пообещал просидеть там целый день, но не продержался и часа.

Большую часть времени Хейзел не покидало ощущение, что она живет в Хоторндене сама по себе. Перси обычно играл во дворе или был занят уроками. А матушка, все еще не снявшая траур, редко покидала свои покои и в такие моменты напоминала скорее черного призрака смерти, скользящего по коридорам замка. Иногда Хейзел становилось одиноко, но чаще всего ее радовало такое положение дел. Особенно в те моменты, когда ей хотелось поэкспериментировать.

Мертвая лягушка была небольшой, с грязно-коричневой шкуркой. Ее крошечные конечности, словно руки марионетки, свисавшие с ладони девушки, когда та подобрала лягушку с дорожки, теперь окоченели и стали неприятно липкими. Но лягушка все же была мертва, а в воздухе ощутимо пахло грозой — все складывалось идеально. Все сошлось.

Из спрятанного за камнем тайника на балконе Хейзел извлекла каминную кочергу и кухонную вилку, которые она стащила несколько недель назад в ожидании такой ситуации. Ее выводила из себя расплывчатость, с которой Бернард говорил о металле, использованном чародеем-ученым в Швейцарии («Это была латунь? Просто скажи, Бернард, какого цвета был металл?» — «Говорю тебе, я не помню!»), поэтому она решила использовать те металлические предметы, которые будет легче всего стащить, не привлекая особого внимания. Кочерга была из кабинета отца, куда даже слуги не заботились заглядывать вот уже несколько месяцев, с тех

самых пор, как ее отец со своим полком заступил в караул на острове Святой Елены.

Отдаленный раскат грома эхом прокатился по долине. Время пришло. Она сотрет черту между жизнью и смертью, оживив плоть с помощью электричества. Что есть чудеса, если не научные явления, все еще не понятые человеком? И разве не чудесно, что все секреты Вселенной лежали перед человеком, готовые раскрыться тем, кто достаточно умен и настойчив?

Хейзел аккуратно положила кочергу с одной стороны от тела лягушки, а затем, с благоговейным трепетом, медленно опустила вилку с другой.

Ничего не произошло.

Она подвинула кочергу с вилок поближе к лягушке, а затем в нетерпении прижала их к ее шкурке. Неужели ей придется?.. Нет, нет, Бернард непременно упомянул бы, если бы голова заключенного была *насажена* на пик. Когда он вернулся из своего большого путешествия, ее переполняли вопросы о той демонстрации, что он вскользь упоминал в своем письме из Швейцарии, демонстрации, проведенной сыном великого ученого Гальвини. Используя электричество, Гальвини-второй заставил лапки мертвой лягушки танцевать, а глаза казненного преступника — моргать, словно вернув их к жизни.

— Выглядело пугающе, на самом деле, — рассказывал Бернард, поднося чашку чая к губам и кивком веля слуге принести еще имбирного печенья. — Но и волшебно, пусть и в таком странном смысле, ты так не считаешь?

Хейзел считала. И хотя Бернард отказался развивать эту тему («Ну почему тебя так тянет к *мрачности*, кузина?»), Хейзел поняла, что может восстановить детали этой сцены с такой легкостью, словно присутствовала там сама — человека в пиджаке французского покроя,

стоящего на сцене маленького, обшитого деревом театра, с пропыленным насквозь красным бархатным занавесом за спиной. Хейзел могла представить, как сначала лягушачьи лапки дергаются вверх и вниз, словно танцуют канкан, а затем Гальвини сдергивает покрывало с главной диковины — головы повешенного. В воображении Хейзел шею ему обрубали достаточно низко, чтобы можно было разглядеть багровеющие синяки там, где в плоть врезалась веревка.

«Мы, люди, боимся смерти, — раздавался у Хейзел в голове воображаемый голос Гальвини с сильным итальянским акцентом. — Смерть! Отвратительная, страшная! Неизбежная и бессмысленная! В вечном танце мы стремимся к ней, как к прекраснейшей из женщин (итальянцы любят поговорить о красивых женщинах), а Смерть в темне вальса скользит нам навстречу и манит, манит. Стоит заглянуть под ее вуаль, и пути назад больше не будет. Но на дворе новый век, друзья мои».

Тут Хейзел представляла, что он вытягивает вперед руку с металлическим стержнем, словно Гамлет — череп, затем поднимает второй стержень, и молнии пляшут между ними под рев публики. *«И человечество готово бросить вызов законам природы!»*

Публика ахает, едва осветительные лампы на сцене разгораются и в клубах серого порохового дыма, выпущенного для пущего эффекта, голова повешенного оживает.

Бернард описывал все это в письме, которое Хейзел перечитывала так часто, что успела запомнить каждую строчку: то, как дернулась голова, когда стержни приложили к ее вискам, то, как распахнулись веки. Она словно на мгновение снова пришла в сознание, и теперь, ослепленно моргая, глядела перед собой — на господ с их женами в лучших перчатках и шляпах —